

АКАДЕМИЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ УКРАИНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

М.А. Шепелев

Крымский федеральный университет им.
В.И. Вернадского, Симферополь, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются существенные характеристики и основные проявления процесса академической колонизации украинской политической науки, в частности – признаки колониального режима воспроизводства и ретрансляции научного знания. На институциональных и дискурсивных примерах показано, что состояние украинской политической науки в полной степени соответствует признакам академического колониализма. Академический колониализм проявляется в масштабной «европеизации» образовательных программ, которая на практике сопровождается дерусификацией и уже привела к массовому оттоку студентов в вузы европейских стран, прежде всего соседней Польши и Литвы, и к росту эмиграции научных кадров высшей квалификации. Также она выражается в концептуально-методологической зависимости и некритическом восприятии положений западной науки, подчинении дискурсивных практик «европейским стандартам» и в целом в укоренившейся сервильности украинской политической науки. Особенностью академической колонизации украинской науки является то, что оно осуществляется в благоприятных для него условиях неопатримониального режима, который после 2014 г. стал приобретать некоторые черты «султанистского» режима (по М. Веберу).

Ключевые слова: академический колониализм, колониальный режим производства знания, «европеизация» образовательных программ, концептуально-методологическая зависимость, неопатримониализм.

ACADEMIC COLONIZATION OF THE UKRAINIAN POLITICAL SCIENCE

M.A. Shepelev

Crimean Federal University of V.I. Vernadsky,
Simferopol, Russia

Abstract. The article discusses the essential characteristics and main manifestations of the process of academic colonization of Ukrainian political science, in particular, signs of the colonial mode of reproduction and retransmission of scientific knowledge. Institutional and discursive examples show that the state of Ukrainian political science fully corresponds to the characteristics of academic colonialism. Academic colonialism manifests itself in large-scale “Europeanization” of educational programs, which in practice is accompanied by de-Russification and has already led to a massive outflow of students to universities in European countries, primarily neighboring Poland and Lithuania, and to an increase in the emigration of highly qualified scientific personnel. It is also expressed in conceptual and methodological dependence and uncritical perception of the provisions of Western science, the subordination of the discursive practices to “European standards” and, in general, the ingrained servility of Ukrainian political science. The peculiarity of the academic colonization of Ukrainian science is that it is carried out in favorable conditions of the neo-patrimonial regime, which after 2014 began to acquire some features of the “sultanist” regime (according to M. Weber).

Keywords: academic colonialism, colonial regime of knowledge production, “Europeanization” of educational programs, conceptual and methodological dependence, neo-patrimonialism.

Возникшее сравнительно недавно понятие «академический колониализм», тем не менее, отражает давние практики культурной экспансии, присущие политике великих держав как носителей глобальных или трансрегиональных цивилизационных и идеологических проектов. В XIX – первой половине XX вв. обучение в английских и французских вузах было инструментом формирования сознания туземных колониальных элит, во второй половине XX в. за доминирование в мировом интеллектуальном пространстве («ноосфере») соперничали США и СССР. Сегодня международная академическая мобильность (совместные образовательные программы,

научные обмены, стажировки и т.п.) является инструментом академического колониализма в условиях обостряющейся конкуренции на мировом рынке образовательных услуг. Современное мировое интеллектуальное (научно-образовательное) пространство, во-первых, полицентрично, во-вторых - характеризуется неэквивалентным обменом между несколькими центрами и обширной периферией, в-третьих – усилением дифференциации периферии, т.е. попытками одних стран вырваться из периферийного положения и погружением других в пропасть интеллектуальной деградации и непреодолимой зависимости, которая, собственно, и именуется витиеватым словом «академический колониализм».

Академический колониализм – традиционный инструмент политики вестернизации, применяемый в отношении незападных обществ. Применение этого концепта позволяет обнаружить новые грани в процессах, происходящих в последние годы в интеллектуальном пространстве Украины. Целью данной статьи является раскрытие специфики академической колонизации украинской политической науки в условиях системного кризиса в стране, вызванного событиями 2014 г.

Украинская политическая наука – типичный пример практического воплощения постулатов теории академической зависимости, причем это обстоятельство признают и сами украинские политологи.

В одном из масштабных исследований, посвященных теме «власти-знания» и «политике знания» на Украине, в частности, обосновывается соответствие состояния т.н. «постсоветской Академии» выделяемым С. Алатасом шести признакам колониального режима производства знания: эксплуатация, опека, конформизм, вторичная роль ведущих интеллектуалов и академических ученых, рационализация цивилизационной миссии и низший талант исследователей из центра, специализирующихся на изучении колоний [Внешняя политика стран СНГ: 2017: С. 496].

Однако едва ли этот перечень является исчерпывающим, поскольку он не в полной мере учитывает мировоззренческие и

когнитивные признаки академического колониализма. К ним относятся, в частности, методологическая зависимость от вырабатываемого в «метрополии» инструментария научного познания, периферийность областей научных исследований и производность достигаемых в них результатов по отношению к разрабатываемым в «центре» научным теориям, общая неспособность генерировать передовые идеи и самостоятельно внедрять инновации фундаментального характера.

Интеллектуальная маргинальность местного научного сообщества дополняется признанием собственной роли «обслуживающего персонала» по отношению к действующей в данный момент власти (отсюда – постоянная идеологическая мимикрия). Собственно, прямая связь процесса становления и развития науки с процессами государственного строительства прямо подчеркивается в соответствующих тематических изданиях [Політична наука 1991-2016: С. 656].

Состояние украинской политической науки в полной степени соответствует этим признакам академического колониализма. На протяжении двух десятилетий ведущий (и единственный монопрофильный) политологический центр академической науки – Институт политических и этнонациональных исследований имени И.Ф. Кураса НАН Украины – занимался, в сущности, двумя направлениями: исследованиями гражданского общества (в особенности в контексте посткоммунистических трансформаций) и этнопологией. Если первое направление однозначно относится к инструментарию идеологической индоктринации, то второе – к классическим приоритетам колониальной науки (подобно культурной или социальной антропологии).

Одним из наивысших «достижений» на этом поприще стала созданная в канун Евромайдана членом-корреспондентом НАН Украины, многолетним президентом (с 2012 г. – почётным президентом) Украинской академии политических наук Н.И. Михальченко концепция «украинской региональной цивилизации», пройти мимо которой невозможно. Описание её как

«цивилизации «второго» эшелона» отсылает к образу булгаковской осетрины «второй свежести» и отличается невообразимой путаницей значений базовых понятий (цивилизация, этнос, нация, государство и т.п.), чудовищными искажениями исторических сюжетов, равно как приписыванием другим теориям чуждых им смыслов. Чего стоит хотя бы утверждение, будто С. Хантингтон считал Украину «расколотой» цивилизацией [Михальченко 2013: С. 7], когда он вообще не считал её отдельной цивилизацией, а описывал как расколотую страну на стыке двух цивилизаций?

Собственная колонизация западной наукой и маргинализация прикрывается в украинской политологической мысли попытками «доказательства» цивилизационной ущербности, неполноценности, вторичности России вообще (из-за чего якобы «каждый правитель Москвы искал родственников в Украине» [Михальченко 2013: С. 104] и разрабатываемых её политической наукой идей и концепций – в частности.

В довольно примитивном виде воспроизводя западные представления и ретранслируя вбрасываемые оттуда идеи, украинская политологическая мысль старается изобразить Россию уже полностью проигравшей борьбу с Западом, превратившейся в его «сырьевой придаток», всё больше обороняющейся в глобальной игре и не замечающей, что её истинным врагом якобы являются не США, а Китай, так что «очень скоро России придётся просить помощи у США и их союзников, чтобы остановить экспансию с Востока» [Михальченко 2013: С. 40].

Что же касается российской политологии, то из ее дискурсивных практик отбираются либо идеи ученых, принадлежащих к радикальной оппозиции, либо (в качестве «жупелов») – те идеи, которые могут служить иллюстрацией агрессивных экспансионистских замыслов России. Благо, в вузах и научных организациях подписки на академические издания РАН, из которых можно было бы получить более-менее сбалансированное представление о палитре научных идей российских политологов,

давным-давно свёрнуты. Наряду с постепенным свертыванием непосредственных научных контактов это создало благоприятный фон для разгула, как раньше бы выразились, махрового мракобесия.

Например, судя по содержанию книги Н.И. Михальченко, в 2013 г., то есть ещё до начала официальной и агрессивной демонизации России, ведущие киевские политологи уже убеждали, что «сибиряки Москву считают «чужим» городом» [Політична наука 1991-2016: С.105,], что «в России идёт криминальная и этническая война» и «неизвестно, когда начнутся антиукраинские погромы» [Михальченко 2013: С.105]. И это не уровень телеинтервью или статьи в Интернете, а научная монография, прошедшая официальное рецензирование и в марте 2013 г. рекомендованная к печати Ученым советом Института политических и этнонациональных исследований имени И.Ф. Кураса НАН Украины! Кстати, обращает на себя внимание фантастический уровень книжной и политической культуры почетного президента Украинской академии политических наук, который наглядно проявляется в следующей фразе: «Московия, а потом Россия, как акула с огромным желудком, заглатывала всё новые территории и народы, надеясь переварить всё и всех, а потом выплюнуть (или выс...) обкорнутых, одинаково постриженных и одетых рабов империи, покорно ей служащих?» [Михальченко 2013: С. 105].

Колониальная периферийность позволяет некоторые вольности, чем можно объяснить то, что украинская политология не гнушается и латентной пропагандой антисемитизма. Так, описывая характер межэтнических отношений на землях Гетманщины XVII в., Н.И. Михальченко заключает: «Выходило, что непосредственный их (местных жителей – М.Ш.) враг-притеснитель – это еврей. Не напрасно у восставших казаков, в том числе и под предводительством Б. Хмельницкого, на знаменах было написано: «бей панов и жидов» [Михальченко 2013: С. 58]. Далее академик подчеркивает, что «изгнав поляков и их прихлебателей – евреев, крестьяне стали свободными и делили земли своих

бывших господ, становясь новым слоем – свободных хлебопашцев» [Михальченко 2013: С. 66]. Показательно, что при изложении этих сентенций автор двусмысленно оговаривается: мол, «это не нагнетание антипольских и антисемитских настроений, а констатация фактов, которые в остаточном виде, до сих пор отражены в мировоззрении части украинского этноса» [Михальченко 2013: С. 58].

Разумеется, в этом потоке фальсификаций, передергиваний, эскапад и обвинений встречаются отдельные здравые мысли. Так, нельзя не согласиться с тезисом о том, что «современная Россия лишилась главного – цели» [Михальченко 2013: С. 107], который справедливо указывает на отсутствие у России выработанного и продвигаемого мироустроительного проекта. Но за этой мыслью следует очередная подмена понятий: «Россия не имеет глобальной цели, глобальных перспектив». На самом деле отсутствие сформулированного проекта сегодня отнюдь не означает отсутствия перспектив завтра, тем более что другие мироустроительные проекты переживают не лучшие времена и запрос на альтернативу лишь возрастает. В сущности же этот тезис призван обосновать «безальтернативность» интеграции Украины в западные структуры и включения в западный политический дискурс в качестве реципиента смыслов.

Оправданность колониальной интерпретации развития политической науки и в целом обществознания и гуманитаристики в Украине подкрепляется как отсутствием собственной национальной традиции и её значимых достижений, так и некритическим позитивным восприятием положений западной науки (здесь вполне уместно использовать известное выражение - «низкопоклонство перед Западом»). Зарубежные гранты и стажировки, вызывающие в украинском научном сообществе лишь положительные эмоции и восхищение, как раз и знакомят украинских исследователей с идеями и ценностями западной политической науки, прямо или косвенно внушая им мысль о её «передовом» характере, «лидирующем» положении и «безусловной» связи с демократическим путем раз-

вития. Так происходит научная индоктринация, поскольку усваиваются исследовательская повестка дня, предпочтительные методы «сбора и анализа данных», риторические стратегии, задействованные при оформлении и продвижении полученных результатов.

Одним из важнейших проявлений академической колонизации является структура учебных планов профильных направлений подготовки. Нельзя не признать, что академические «дисциплины являются политическими институтами, которые разграничивают области академической территории, распределяют привилегии и ответственность за компетенцию, а также структурные притязания на ресурсы» [Внешняя политика стран СНГ 2017: С. 23]. В связи с этим обращает на себя внимание ряд аспектов.

Прежде всего речь идет о масштабной «европеизации» образовательных программ, начавшейся довольно давно, в рамках Болонского процесса и курса на европейскую интеграцию, но до 2014 г. происходившей неравномерно (лидерами в этом процессе были вузы Киева и Западной Украины). Стоит упомянуть, в частности, что ещё с конца прошлого столетия в структурах ведущих украинских вузов стали создаваться информационные центры ЕС и НАТО, а по линии программ Темпус/Тасис, Фулбрайта и т.п. стали активно формироваться механизмы академической зависимости украинской науки.

Этот процесс не только заметно усилился после февраля 2014 г., но и дополнился процессом «дерусификации», когда не просто стали сокращаться и изыматься немногочисленные дисциплины, связанные с изучением истории России, но и переименовываться и перепрофилироваться остававшиеся кафедры. Так, например, в Днепропетровском национальном университете имени Олеса Гончара (ранее – ДГУ имени 300-летия Воссоединения Украины с Россией) кафедра российской истории была переименована в кафедру восточно-европейской истории. Попытки объяснить это «ведущейся Россией против Украины гибридной войной» выглядят неуместными хотя бы потому, что в США во времена

«холодной войны» кафедры и курсы советологии и русистики росли как грибы после дождя. Истинной причиной происходящего является именно академическая колонизация Украины, направленная на закрепление не только институциональной, но и концептуально-методологической зависимости украинского научно-образовательного пространства от Запада, на подчинение дискурсивных практик «европейским стандартам».

Главным же итогом «европеизации» украинских образовательных программ стал массовый отток студентов в вузы европейских стран, прежде всего соседней Польши и Литвы. Если в 2012/2013 уч. г. в польских вузах обучалось менее 10 тысяч украинских студентов, то по данным 2016/2017 уч. г. их численность превысила 35,8 тысяч. Помимо целенаправленной политики Польши и Литвы, этому способствуют совместные магистерские программы и даже программы бакалавриата украинских вузов. Так, программа «Мировая политика и экономика», открытая в Национальном университете «Днепропетровская политехника» (бывший Национальный горный университет Украины) предусматривает двухгодичное обучение в вузе и такое же двухгодичное обучение в вузе-партнере в Литве, причем начинается учебный процесс как раз за границей, что, по сути, ставит украинский вуз в положение «перевалочной базы». Проводившиеся опросы показывают, что лишь явное меньшинство обучающихся за рубежом украинских студентов собирается возвращаться домой.

Аналогичный процесс «европеизации» давно стал характерной чертой украинской научной жизни, проявляясь в тематике диссертационных исследований, где европейская и евроатлантическая проблематика преобладает абсолютно, превращая в маргинальные все остальные направления научных исследований. Особенно это стало очевидно после февраля 2014 г.: так, с тех пор по российской проблематике в стране по политическим наукам была защищена лишь одна докторская диссертация (И.Н. Мельничук, «Интеграционные проекты Российской Федерации на постсо-

ветском пространстве», Черновцы, 2015) и несколько кандидатских, а в их текстах, разумеется, в той или иной степени нашла отражение официальная позиция киевского режима. Правда, следует учесть при этом общий спад научной активности в условиях кризиса и в обстановке «реализации евроинтеграционных устремлений Украины», что выразилось в снижении количества защит, сокращении численности диссертационных советов и росте эмиграции научных кадров высшей квалификации.

Сара Амслер дополняет перечень ключевых проблем колониального режима производства знания: институциональная бедность; отсутствие квалифицированных кадров и учебных материалов; утечка мозгов и продажа степеней; личная бедность; экзистенциальный и интеллектуальный кризисы; разрушенные или прерванные карьеры. Эти тенденции давно подмечались отдельными украинскими учеными. Так, например, Сергей Рябов обращал внимание на сервильность украинской политической науки. Под ней иногда понимается реактивная «роль украинских ученых относительно вопросов государственной политики», а иногда – «искушение подчинить знание власти, превратить его в способ обслуживания и таким образом достичь причастности к власти» [Рябов 2005: С. 103].

В свою очередь, Сергей Куделя и Юрий Мациевский указывают на отсутствие в украинской политологии агентов перемен и/или инновационного академического сообщества [Куделя 2012: С. 24-25.] [Мацієвський 2012: С. 10-12.].

Что же касается институциональной бедности, то ещё накануне Майдана был ликвидирован Институт мировой экономики и международных отношений НАН Украины, где до этого сложились довольно серьезные философская и политологическая школы. В результате «закрылась» целая отрасль политической науки, разрушились завязанные на институте междисциплинарные связи в области глобалистики и цивилизационных исследований, составлявшие реальную альтернативу продукции вроде опусов академика Н.И. Михальченко

(достаточно упомянуть фундаментальный труд покойного Ю.В. Павленко по истории мировых цивилизаций). Теперь же ИПиЭНИ им. И.Ф. Кураса остался единственным профильным академическим институтом – можно сказать, «монополистом».

На фоне общей политической и социально-экономической ситуации в стране это дополнительно усиливает отмеченную сервильность украинской политической науки. Последняя позволяет продуцировать весьма нестандартные идеи, сегодня едва ли воспринимаемые научными сообществами где-либо за пределами Украины.

Так, в стремлении оправдать февральский государственный переворот 2014 г. дважды доктор наук (исторических и политических) И.А. Хижняк прямо утверждает, что «власть завоёвывается прежде всего легитимностью доверия народа, а не только выборами» (не уточняя источники и критерии определения этой легитимности), что «Евромайдан – это субъективизированное выражение воли народа, являющегося сувереном и только поручающего власти свои полномочия», и что результатом «украинской революции на Евромайдане» стало «создание национального государства нового типа» (опять же без уточнения, в чём состоит эта новизна) [Хижняк: 2014: С. 504].

Академическая колонизация украинской политической науки осуществляется в специфических условиях неопатримониального политического режима. Согласно Ш. Эйзенштадту, суть неопатримониализма заключается в независимости политического центра от периферии, управлении государством как частным владением немногочисленных правящих групп, а также в патронажных отношениях, в рамках которых воспроизводятся клановые, региональные, семейные и прочие связи в виде системы современных экономических и политических отношений [Эйзенштадт 1999: С. 324-359].

Наиболее концептуально осмысленную попытку объяснения специфики украинского и в целом постсоветских вариантов неопатримониализма предложил харьковский политолог А. Фисун. Характер-

ными чертами именно постсоветских неопатримониальных режимов он считает: «1) формирование класса рентоориентированных (rent-seeking) политических предпринимателей, которые для достижения своих экономических целей используют политические возможности слияния власти и собственности; 2) частное – в той или иной степени – использование государственно-административных ресурсов...; 3) решающая роль клиентарно-патронажных отношений и связей в структурировании политико-экономического процесса» [Фисун: 2006: С. 164-165].

Ф. Кураса НАН Отношения патримониального типа, и прежде всего связи «патрон - клиент», целиком пронизывают политическую систему государства, которая лишь формально строится на принципах рационально-легального господства.

По мнению А. Фисуна, «украинский политический режим на протяжении большей части своего существования является неопатримониальным. Для него характерно нечеткое разделение на публичную и частную сферу социума, а государство управляется как частное владение правящих групп, которые в этой системе приватизируют различные общественные функции и государственные институты» [Фисун 2006: С. 154]. Описывая украинскую политическую реальность после 2004 г. в качестве специфического гибридного режима неопатримониальной демократии, он обращает внимание на то, что природа украинской политической системы остается ориентированной не на производство «общего блага», а на неопатримониальные практики рентоизвлечения и «захвата государства». В условиях этого режима политические партии «в зависимости от результатов выборов осуществляют раздел государственного аппарата и исполнительной вертикали, а потом превращают их в ресурсы извлечения ренты и феодального кормления» [Фисун 2011: С. 124].

Следует отметить, что после 2014 г. украинский неопатримониализм приобрел некоторые черты султанизма – описываемой М. Вебером крайней формы патримониализма, основывающейся на «свободном от традиционных ограничений произволе»

правителя, в условиях которой «экстремально расширяется сфера проявления открытого произвола и милости» со стороны правителя. Согласно М. Веберу, «чистый султанизм опирается прежде всего на возможности фискального произвола» [Weber 1978: СС. 231-232, 240].

Как показывает А. Фисун, институциональная аморфность и политическая неструктурированность в условиях неопатримониализма компенсируются прямыми межличностными отношениями солидарности, доминирования и подчинения. По своей форме такие социальные отношения напоминают догосударственную и внегосударственную потестарность – архаичную власть старейшины, основанную в основном на традиции и личном авторитете. Потестарная власть буквально «патриархальна», и хотя в современном обществе она проявляется и функционирует иначе, чем в древности, типологическая близость с архаической догосударственной социальной системой позволяет характеризовать постсоветскую социальную среду в категориях неопатримониализма.

Структура научного поля Украины в основных чертах воспроизводит структуру её политического поля, и на их пересечении возникает неопатримониальная наука. Она определяется как «система значимых взаимодействий академических исследователей, представителей бизнеса и власти, обусловленную или даже детерминированную в основных чертах сущностными характеристиками неопатримониального политического режима, конечным итогом чего становится исключительно перформативный ритуал обретения научной степени (и превращение её в симулякр)» [Внешняя политика стран СНГ 2017: С. 20]. К числу её важнейших характеристик В. Осин, С. Шуляк и А. Зеленски относят следующие четыре.

Во-первых, научный капитал формируется посредством административного ресурса. Успех в научной деятельности связывается с контролем над должностными позициями, позволяющими получать научные степени и делать это, игнорируя обязательные атрибуты или нивелируя значение формальных процедур. Высокий

уровень кандидатов и докторов наук, вызванный релевантными профессиями, сменяется более масштабным «остепенением», обусловленным должностью или приобретенными в связи с занятием должности финансовыми возможностями.

Во-вторых, место исследователей с нормальными (типичными) академическими карьерами занимают представители политики и/или бизнеса. В основании научной карьеры последних лежит отсутствие «ясно определенных сфер компетенции, которые являются объектом имперсональных правил», вследствие чего не имеет особого значения «специальная подготовка в качестве необходимого условия» для выполнения той или иной деятельности. В неопатримониальной науке самые экзотические и сюрреалистические карьеры не только возможны, но и стремятся к тому, чтобы стать правилом. В среде высокопоставленных чиновников должность превращает инженера-электрика в доктора экономических наук, а специалиста в области физического воспитания – в кандидата и доктора юридических наук.

В-третьих, шансы получить научную степень повышаются прямо пропорционально длительности пребывания на ответственном посту, и наоборот. Частный характер власти при неопатримониальных режимах предполагает рассмотрение практически всех социальных институтов в качестве собственной вотчины, характер операций с которой не ограничен соглашениями или договоренностями.

В-четвертых, неопатримониальная наука картографируется по принципу «центр/периферия». Предполагается, что наименее «сильные» (прежде всего, в плане переплетения бизнеса и политики) регионы Украины характеризуются наибольшим количеством защит не по месту работы – даже при условии существования собственных специализированных ученых советов [Внешняя политика стран СНГ: 2017].

Однако «захват государства» не только порождает такого рода встроенные в местные «системы обмена» карьерные практики, на которых сосредоточили внимание В. Осин и другие авторы данного исследова-

ния, но и создает ситуацию, когда качество научного продукта оказывается даже не вторичным, а третичным (после сопутствующих приобретению научных степеней статусных «симулякров» и демонстрации политической лояльности, которая может быть обменена на новые карьерные и финансовые преференции). В политической науке это проявляется особенно остро, поскольку ключевые административные позиции в ней часто занимали и занимают либо вчерашние чиновники, либо политтехнологи, тесно связанные с властными структурами.

Таким образом, неопатримониальная наука сама по себе крайне ограничивает возможность свободного развития критического научного знания, в особенности в области политической науки, которую власть естественным образом рассматривает в качестве собственной «служанки». Это по крайней мере отчасти объясняет, почему почти никогда украинская политология не продуцировала эвристического знания, но полностью следовала в фарватере «генеральной линии», оперируя сервильно-конформистской риторикой. Она подразумевала прямую, некритическую ретрансляцию установок и смыслов, продуцируемых западной наукой, поэтому исследования «посткоммунистического общества» оказывались весьма далеки от реального общества, в котором живут их авторы. В том числе этот конформизм касается оценок внешнеполитического курса, обоснованность которого за последние два десятилетия практически никем из политологов, занятых в академической науке и высшем образовании, публично не ставилась под сомнение. Это также создавало исключительно благоприятные условия для активной академической колонизации украинской науки Западом.

Лишь отдельные украинские ученые, даже из «евроатлантического лагеря», демонстрируя способность к критическому мышлению, иногда всё же находили в себе силы констатировать проблематичность прямой экстраполяции западных интеллектуальных конструкций на украинскую действительность. Так, покойный Е.Е. Каминский ещё до первого «обострения» ев-

роинтеграционных устремлений Украины и активного вмешательства Запада в украинскую внутреннюю политику в ходе Майдана 2004 г. отмечал: «Западные экономические школы преимущественно осуществляют свой анализ на основе сугубо экономических показателей и статистических данных, которые выводятся из классических и неоклассических теорий и концепций реформирований рыночных систем, а также с учётом доминирующих на Западе стратегий экономического развития. Со своей стороны, ведущие западные политологические школы основывают свои позиции и общие оценки преимущественно на данных, связанных с воздействиями гражданского общества, в частности, наличием законодательной и политико-системной возможностей осуществления контроля над разработкой и реализацией решений общегосударственного характера. В обоих случаях заложены теоретико-методологические исходные данные, порождающие очевидную предвзятость выводов и рекомендаций. Дело в том, что рекомендации и критериальные требования основываются на анализе не просто "идеальной" ситуации, взятой из жизни, но именно искусственно формируемой на уровне мышления и представления людей, воспитанных в радикально иных условиях. Отсюда, закономерно наблюдаем постепенное отчуждение между воображаемой системой в представлении западных аналитиков и реальными позициями значительной части украинской общественности» [Каминський 2004: СС. 243-249.].

Немногие украинские ученые (тем более «евроатлантисты») смогли, подобно Е.Е. Каминскому, открыто признать, что западные политологи настолько заидеологизированы в своих воззрениях, что реальные факты окружающей действительности выступают для них вторичными, «и приводятся в подтверждение или для отрицания определенных заготовленных концептуальных постулатов». Также обращает на себя внимание своего рода мягкое признание этим украинским ученым очевидной зависимости «научной позиции» западных исследователей от грантовой и иной финансовой поддержки. По его словам, «за-

падные экономисты и политологи, не связанные финансированием и иными формами зависимости с международными валютно-финансовыми организациями, склонны более выразительно учитывать национальные особенности развития переходных обществ» [Камінський 2004: С. 246]. Это довольно редкий для Украины пример фактического отрицания за западным знанием статуса эталона научности.

В 2016 г. Секция общественных и гуманитарных наук НАН Украины представила Национальный доклад «Цивилизационный выбор Украины: парадигма осмысления и стратегия действия» (руководитель авторского коллектива – академик НАН Украины С.И. Пирожков). Знакомство с его текстом, подготовленным коллективом сотрудников нескольких академических институтов, оставляет странное впечатление.

Констатируя рубежное положение Украины в цивилизационном пространстве и проистекающую из него «цивилизационную двухвекторность» населения, авторы доклада при этом заявляют: «внутренние же интересы общества и национальные интересы государства требуют совсем по-другому толковать позицию Украины, а именно – как противоречивую целостность, интегрируемую в неделимое государственное единство» [Цивілізаційний: С. 270]. Как говорится, начали за здравие, а вышла... «единая и неделимая».

Как же осуществить эту задачу достижения «неделимого государственного единства»? В выводах из доклада украинские ученые предлагают комплекс мер, который можно назвать «за всё хорошее против всего плохого»: «Это опора на общие для всех регионов культурные ценности, сформировавшиеся веками, взаимоуважение, взаимодоверие и взаимная толерантность между представителями всех регионов, взаимное признание каждой из частей социума своеобразие (язык, традиции, история) и равноправности других, недопустимость возвеличивания одной из частей, постоянный диалог между всеми элементами общества» [Цивілізаційний: С. 270]. Отвергая «роль буфера между Западом и Востоком», в качестве его альтернативы

предлагается некий «проект цивилизации гуманистических инноваций – проект достойной самореализации человека», в котором «Украина должна выступать как инновационно-информационное общество» [Цивілізаційний: СС. 273-274].

Но что скрывается за этим фасадом из благих пожеланий? Не более чем готовность к интеллектуальному обслуживанию текущего политического курса. По мысли ученых, поликультурность Украины, обусловленная её рубежным положением, не может считаться непреодолимым препятствием для изменения её цивилизационной парадигмы (следовало добавить: «если это изменение продиктовано генеральной линией партии, тогда можно и реки вспять повернуть»). В полном соответствии с этой «генеральной линией» в докладе утверждается, что для Украины, якобы исторически проявлявшей большую склонность к западным цивилизационным ценностям, европейский цивилизационный вектор является приоритетом стратегического развития и дает возможность рассчитывать на мощную внешнюю поддержку для решения не терпящих отлагательств внутренних проблем. Разумеется, в тексте доклада ничего не говорится о том, что изменение цивилизационной парадигмы всегда чревато глубочайшими расколами и конфликтами внутри любого общественного организма, а за достигнутым такой ценой «неделимым государственным единством» обычно следует крах изначального замысла. Думается, после этого продолжать дальнейший разбор данного творения академической мысли не имеет большого смысла.

Однако всё же стоит обратить внимание на корни этих представлений о будто бы большей склонности украинцев к западным цивилизационным ценностям. Именно этот тезис давно стал типичной характеристикой представлений украинской науки о национальной идентичности и из истории и культурологии проник в политическую мысль, для которой стало характерным противопоставление либерализма украинцев и русского авторитаризма. Либерализм с его базовой идеей свободы как ценностное основание украинской

политической культуры выводится современными украинскими политологами из «сущностных черт славянской ментальности», характерных уже для древних славян и антов, которые представляются в украинских учебниках истории предками украинцев. Так, Г.М. Куц ссылается в связи с этим на отрывок 45 (кн. XI, 5) из византийского сочинения VI-VII вв. «Стратегикон», где говорится: «Племена славян и антов сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе; их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране». При этом она также обращает внимание на отрывок 44 (кн. IX, 3) «Стратегикона», в котором указано, что славяне не имеют военного строя и единого начальника, они не умеют ни подчиняться, ни сражаться в строю, из чего ею выводятся корни «определенного неприятия власти, неповиновения властям» и вообще анархичность украинской ментальности [Куц 2015: С. 139].

Парадоксальным образом эта анархичность связывается с влиянием «западной культурной традиции» и противопоставляется русской политической культуре, хотя «бунташный» дух как раз был отличительным свойством общерусской ментальности, проявляясь в особенности в казачьих восстаниях по всей территории исторической Руси, от Днестра до Урала. К тому же непонятно, почему следует считать, что в непокорном Великом Новгороде было меньше духа вольности, чем в захваченных татарами, литовцами и поляками Киеве и Львове.

Утверждается также, что русская культура якобы «в большей степени подвергалась воздействиям византийской традиции» в сравнении с украинской - при том, что история Ромейской (Византийской) империи завершилась в 1453 г., когда никакой украинской культуры не существовало. И даже попытки окатоличивания и ополячивания русских людей на территории нынешней Украины в середине XV в. еще не были заметны, они развернулись лишь после Люблинской унии 1569 г. и Брестской унии 1596 г. Это значит, что влияние византизма и православия было

до тех пор одинаковым на всей территории Русской земли, в состав каких государственных образований ни входили бы её части, и лишь в XVI в. начался процесс цивилизационной перекодировки западной части исторической Руси, проявившийся как раз в ослаблении там вышеупомянутых «воздействий византийской традиции».

Правда, стоит обратить внимание, что другие украинские политологи, напротив, развивают тезис западных авторов (например, Э. Кинана, позиционируемого как «разоблачителя российских исторических мифов» [Кінан 2001: С. 284] о незначительности исторических церковных связей между Москвой и Константинополем, в противоположность Киеву, подкрепляемое измышлениями, будто «московский вариант православия – это симбиоз христианства и язычества финно-угров» [Політична наука 1991-2016: С. 52]. Отсюда выводится, в частности, мысль о бессосновательности самовосприятия Москвы в качестве «Третьего Рима».

Сегодня именно этот тезис служит обоснованию идеи естественности возвращения «единой поместной украинской православной церкви» в лоно Константинопольского патриархата.

Украинские политологи указывают на воплощение якобы укоренившихся в ментальности либеральных и даже либерально-демократических практик на обыденном уровне бытия, что, по их мнению, обеспечивает «стратегии выживания украинского народа» [Головко 2010: С. 248]. В такого рода утверждениях, апеллирующих к темам культурного родства (Україна – це Європа) и «благодатной» роли западного воздействия, явно просматривается общий колониальный характер современного украинского политического дискурса, отражающийся и в политологической литературе.

После февраля 2014 г. политологические издания Украины активно включились в развернувшуюся русофобскую политико-пропагандистскую кампанию, в том числе с подключением интеллектуальных ресурсов, в особенности из соседней Польши. В западноукраинских и столичных рецензируемых изданиях появилось

немало публикаций иностранных ученых о «дезинтеграционной роли России на постсоветском пространстве», «военных и невоенных методах ведения гибридной войны России против Украины» [17; 18] и т.п. Кстати, теперь статьи польских авторов все чаще печатаются в украинских журналах непосредственно на польском языке (тогда как статьи белорусских или казахстанских авторов давно публикуются на украинском, а не на русском), что, видимо, призвано в том числе показать, что западные украинцы не просто понимают польский язык, но и готовы на его основе интегрироваться в европейское научно-образовательное пространство.

Научные издания превратились в пусть не массовые по своей аудитории, но якобы авторитетные рупоры официальной пропаганды, призванные убедить, что «украинская и московская (российская) цивилизации — это кардинально расходящиеся европейская и евро-азиатская цивилизации» [Горелов 2018: С. 50].

Так, по утверждениям ведущих украинских ученых, «противостояние Украины с Россией олицетворяет противостояние России с Европой, в котором Украина выступает субъектом-частью Европы» [Цивілізаційний вибір України 2016: С. 275].

Ответственность за украинский кризис полностью возлагается на Россию и лично В.В. Путина, который, по уникальному в своей абсурдности утверждению Н. Горелова, «нелегитимно, но по всенародному согласию «рулит» страной» [Михальченко 2016: 35] и установил в ней «черносотенные порядки» [Михальченко 2016: С. 37].

При этом Россия, с одной стороны, изображается как «квазицивилизация» [Batins'kij 2014: С. 97], как отсталая, варварская страна, которая «живет нищенски, малокультурно, не имеет современных транспортных артерий, погубив сельское хозяйство и частично промышленность» [Михальченко 2013: С. 39], а с другой — всячески демонизируется и криминализируется в качестве «антицивилизации, противостоящей всему цивилизованному миру», «ревизионистской» и «реваншистской» страны, в которой якобы произошел «рецидив тоталитаризма».

Не только академик Н.И. Михальченко, но и, например, доктор исторических наук, профессор КНУ имени Тараса Шевченко Т.В. Орлова в монографическом описании «российской действительности» воспроизводит фантастические мифы о бедствующем населении, бездорожье и «полуразрушенных халупах», и о россиянах, которые «разжигают ненависть и угрожают миру уничтожением» [Орлова 2016: С. 5].

Со страниц «Научных записок» ИПиЭНИ им. И.Ф. Кураса НАН Украины украинские политологи объявили инструментом «имперской агрессии России против Украины» проект Русского мира [Здіюрук 2014: СС. 258-268]. Во многом на уверенности в том, что «Русский мир» — это «новая российская универсальная имперская идея» [Бульвінський 2016: С. 10], и зиждется политическое стремление к разрушению УПЦ МП как духовной основы принадлежности Украины к пространству исторической Руси, угрожающей проекту цивилизационной «перекодировки». Впрочем, в профильных научных журналах публикуются и статьи с «успокоительными» заявлениями о том, что «к счастью, путинский рейх не вечен» [Михальченко 2016: 37].

В западной литературе, в том числе в трудах классиков политической науки, стали активно изыскиваться тезисы, подтверждающие политические заявления представителей правящего режима о «российско-украинской войне». Для этого активно задействуются как пронафталиненные тексты XVIII — первой половины XX вв., так и современные «творения». Например, рассуждая на темы рисков евроинтеграции, на Украине обращаются за подтверждением к современным западным алармистам, таким как Б.-А. Леви, заявившему однажды, что «если потонет Украина — потонет и вся Европа. Наши судьбы сегодня полностью связаны» [Леви 2014: С. 5].

В свою очередь, некто В. Бабка взял в качестве эпиграфа к своей статье «Российско-украинский конфликт: цивилизационные и мемориальные аспекты» слова Дж. Миршаймера: «Мрачная история, которая

прошла между этими двумя народами, становится взрывчатым веществом, способным привести к возгоранию конфликта между ними» [Бабка 2015: С. 105].

Заявляя о том, что прогноз С. Хантингтона в отношении Украины как цивилизационно расколотой страны якобы не оправдался, В. Бабка отдает предпочтение подходу Дж. Миршаймера, приводя его утверждение, что «русские и украинцы имеют историю взаимной вражды», а это, наряду со смешением населения, повышает вероятность противостояния [Mearsheimer 1993: С. 53]. Правда, ни Дж. Миршаймер, ни В. Бабка так и не смогли объяснить, почему смешение населения в американском «плавильном котле» должно способствовать консолидации нации, а в пространстве исторической России – привести к силовому конфликту между русскими и украинцами. Не говоря уже о доказательстве «истории вражды».

Взятая на вооружение идея «цивилизационного движения Украины в направлении европейских демократических ценностей» заставляет украинских политологов принять европейскую модель политики памяти, рассматриваемой как инструмент реформирования ментальных основ жизни общества. В этом контексте заявляется, например, о крахе «Переяславского проекта» [Цивілізаційний 2017: 256], создавая тем самым почву для исторического ревизионизма в отношении не только советского прошлого или истории Российской империи, но и Освободительной войны середины XVII в. Активно звучат призывы «забыть прошлое», подкрепляемые ссылками на те или иные западные теории, даже несмотря на то, что выводы из этих теорий следуют прямо противоположные. Однако и в самих этих призывах проявляется приобретённый колониальный комплекс неполноценности. Его следы можно также обнаружить, например, в утверждении, что известный тезис Л. Кучмы «Украина – не Россия» воспринимается и закрепляется на уровне бессознательного как «Украина – это Россия» [Бабка 2015: С. 109], хотя здесь явно просматривается некое ощущение бесперспективности вы-

строенной на его основе идеологического курса.

Прямо провозглашается, что «построение украинской национальной памяти европейского образца требует системного прагматичного конструктивистского подхода к этому общественному феномену» [Бабка 2015: 113]. Лишь слабым фоном звучат сдержанные голоса, напоминающие, что «политика памяти лишь тогда может стать фундаментом общественной морали, если будет по максимуму деидеологизирована и соотнесена с непредвзятым историческим знанием» [Нагорна 2012: С. 150].

Правда, этот тезис относится еще к домайданной Украине, теперь же преобладают призывы обращать внимание не на то, «откуда мы пришли», а на то, «куда мы хотим попасть» [Бабка 2015: 113]. Именно после Евромайдана стала открыто и активно продвигаться мысль, что эту политику недопустимо строить на установках об этнической, культурной, исторической или цивилизационной близости Украины и России. Поэтому основанная на последнем тезисе цивилизационная теория С. Хантингтона и оказывается неприемлемой и дискриминируемой в современной Украине (и надо признать, что это восприятие формировалось задолго до 2014 г.).

В украинском политологическом обществе сегодня преобладает мнение, что вовсе не цивилизационный раскол, а сохранение единства Украины и рост гражданского сознания в стране за годы независимости стало одной из причин «войны с Россией», а она, в свою очередь, вызвала резкое обострение отношений между Россией и Западом, то есть Украина и украинский кризис воспринимаются как причина, а не следствие этого обострения. В этом состоит принципиальное отличие от позиции большинства российских аналитиков, исходящих из того, что кризис на Украине стал как раз результатом общего кризиса в отношениях России и Запада, что он является в сущности лишь локальным узлом глобальных противоречий (по С. Хантингтону, между Западом и остальным миром – the West and the Rest), а сама Украина –

лишь площадка для проецирования силы акторами мировой политики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Внешняя политика стран СНГ: Учеб. пособие для студентов вузов / Ред.-сост. Д. А. Дегтерев, К. П. Курылев. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. — 496 с.
2. Осин В. и др. Власть и знание на пост-советском пространстве: политический режим, научная степень, идеология и карьера в Украине и Молдове. – Вильнюс: ЕГУ, 2014. – 376 с.
3. Політична наука в Україні 1991-2016: у 2 т. Т.1. Політична наука: західні тренди розвитку й українська специфіка / НАН України; Інститут політичних і етнонаціональних досліджень ім. І. Ф. Кураса. – К.: Парлам. вид-во, 2016. – 656 с.
4. Михальченко Н. Украинская региональная цивилизация: прошлое, настоящее, будущее. Монография. – К.: ИПиЭНИ имени И.Ф. Кураса НАН Украины, 2013. – 340 с.
5. Рябов, С.Г. Політична наука в Україні ХХІ століття: стан та перспективи розвитку: Дослідження / Укл. С.Г. Рябов. - К. : Навч.-метод. центр "Консорціум із удосконалення менеджмент-освіти" в Україні, 2005. – 103 с..
6. Куделя С. Чи можлива в Україні політична наука? // Критика. 2012. № 1-2 (171-172). – С.24-25.
7. Мацієвський Ю. Чому в нас немає політичної науки // Критика. 2012. № 6 (176). – С.10-12.
8. Хижняк І.А. Другий етап “держави всупереч”: уроки Євромайдану vs реалій об’єктивних історичних обставин // Гілея. Історичні науки, філософські науки, політичні науки. – 2014. - Вип 84, № 4. - С. 503-507.
9. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ / Пер. с англ. А.В. Гордона под ред. Б.С. Ерасова. - М.: Аспект Пресс, 1999. - 416 с.,
10. Фисун А.А. Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации. Харьков: Константа, 2006. – 351 с.
11. Фисун А.А. Украинская неопатримониальная демократия: формирование, специфика и тенденции развития / А. Фисун // Ойкумена. – 2011. – Вып.8. – С. 119-127.
12. Weber M. Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology / Ed. By G. Roth and C. Wittich. – Berkeley: Univ. of California Press, 1978.
13. Камінський Є. Перехідні держави: особливості, суперечності й небезпеки розвитку // Антологія творчих досягнень. — К.: ІСЕМВ НАН України, 2004. - С. 243-249.
14. Цивілізаційний вибір України: парадигма осмислення і стратегія дії: національна доповідь / ред. кол.: С. І. Пирожков, О. М. Майборода, Ю. Ж. Шайгородський та ін.; Інститут політичних і етнонаціональних досліджень ім. І. Ф. Кураса НАН України. – К.: НАН України, 2016. – 284 с.
15. Куц Г.М. Ценностные основания украинской политической культуры // Політикус. – 2015. -. Вип.1. - С.138-142.
16. Кінан Е. Російські історичні міфи / Е. Кінан. – К.: Критика, 2001. – 284 с.
17. Головка І. Ліберальна демократія: умови формування та специфіка становлення: дис. ... канд. політ. наук: спец. 23.00.02 Політичні інститути та процеси / І. Головка; Чернівецький нац. ун-т ім. Ю. Федьковича. – Чернівці, 2010. – 248 с.
18. Podsiadlo L. Dezintegracyjna rola Rosji na przestrzeni poradzieckiej na przykładzie Ukrainy // Вісник Львівського університету. Серія Міжнародні відносини. - 2015. - Вип.36. Ч.3. - С.75–84.
19. Wasiuta O., Wasiuta S. Militarne i niemilitarne metody prowadzenia wojny hybrydowej Rosji przeciwko Ukrainie // Вісник Львівського університету. Серія Міжнародні відносини. - 2016. - Вип. 39. - С. 3–17.
20. Горелов М. Цивілізаційна парадигма краху Переяславського процесу // Наукові записки ІПіЕНД ім. І.Ф. Кураса НАН України. 2018. Вип. 1(75). -. С.32-38.
21. Михальченко Н. И. Великий цивілізаційний взрив на рубежі ХХ–ХХІ ве-

ков / Н. И. Михальченко. – К.: Парламентское издательство, 2016. – 504 с.

22. Батинський С. Російська квазіцивілізація: історичний виклик для України і світу. – Дрогобич: Посвіт, 2014. – 97 с.
23. Орлова Т.В. Росія: вчора, сьогодні, завтра? Монографія. – К.: Логос, 2016. – 232 с.
24. Здіорук С., Яблонський В. Проект «Русского мира» як механізм імперської агресії Росії проти України // Наукові записки ІІІЕНД ім. І.Ф. Кураса НАН України. - 2014. - Вип. 6(74) - С.258-268.
25. Бульвінський А.Г. Вплив імперської державної традиції на перебіг політичного процесу в Росії // Країни пострадянського простору: виклики модернізації: збірник наукових праць / за заг. ред. А.Г. Бульвінського. – К.: Державна установа «Інститут всесвітньої історії НАН України», 2016. – С.6-18.
26. Леви Б.-А. «Если потонет Украина - потонет вся Европа. Наши судьбы сегодня полностью связаны» // Зеркало недели. – 21.05. 2014, №18. - С. 5
27. Бабка В. Російсько-український конфлікт: цивілізаційні та меморіальні аспекти // Наукові записки ІІІЕНД ім. І.Ф. Кураса НАН України. 2015. Вип. 1(75). -С.104-114.
28. Mearsheimer J. Case for Ukrainian Nuclear Deterrent / John J. Mearsheimer // Foreign Affairs. - 1993. - Vol. 72, № 3. – P. 50–66.
29. Цивілізаційний крах Переяславського проекту (Україна і Московія: історія співіснування та ворожнечі) / М. Горелов, О. Моця, О. Рафальський. – К., ІІІЕНД ім. І. Ф. Кураса НАН України, 2017. – 256 с.
30. Нагорна Л.П. Історична пам'ять: теорії, дискурси, рефлексії / Л.П. Нагорна. – К.: ІІІЕНД ім. І.Ф.Кураса НАН України, 2012. – 328 с.

Об авторе: Шепелев Максимилиан Альбертович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политических наук и международных отношений Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (ma_shepelev@mail.ru).

REFERENCES

1. Vneshnyaya politika stran SNG: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov / Red.-sost. D. A. Degterev, K. P. Kurylev. – М.: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2017. — 496 s.
2. Osin V. i dr. Vlast' i znanie na postsovet'skom prostranstve: politicheskij rezhim, nauchnaya stepen', ideologiya i kar'era v Ukraine i Moldove. – Vil'nyus: EGU, 2014. – 376 s.
3. Politichna nauka v Ukraïni 1991-2016: u 2 t. T.1. Politichna nauka: zahidni trendi rozvitku j ukraïns'ka specifiika / NAN Ukraïni; Institut politichnih i etnonacional'nih doslidzhen' im. I. F. Kurasa. – К.: Parlam. vid-vo, 2016. – 656 s.
4. 3/ Mihal'chenko N. Ukrainskaya regional'naya civilizaciya: proshloe, nastoyashee, budushchee. Monografiya. – К.: ІІІЕНІ імені І.Ф. Кураса НАН України, 2013. – 340 s.
5. Ryabov, S.G. Politichna nauka v Ukraïni НКНІ stolittya: stan ta perspektivi rozvitku: Doslidzhennya / Ukl. S.G. Ryabov. - К.: Navch.-metod. centr "Konsorcium iz udoskonalennya menedzhment-osviti" v Ukraïni, 2005. – 103 s.
6. Kudelya S. Chi mozhliva v Ukraïni politichna nauka? // Kritika. 2012. № 1-2 (171-172). – S.24-25.
7. Macievs'kij YU. СНому v nas nemaє politichnoї nauki // Kritika. 2012. № 6 (176). – С.10-12.
8. Hizhnyak I.A. Drugij etap “derzhavi vsuperech”: uroki Evromajdanu vs realij ob'ektivnih istorichnih obstavlin // Gileya. Istorichni nauki, filosof'ski nauki, politichni nauki. – 2014. - Vip 84, № 4. - S. 503-507.
9. Ejzenshtadt S. Revolyuciya i preobrazovanie obshchestv / Per. s angl. A.V. Gordona pod red. B.S. Erasova. - М.: Aspekt Press, 1999. - 416 s.,
10. Fisun A.A. Demokratiya, neopatrimonializm i global'nye transformacii. Har'kov: Konstanta, 2006. – 351 s.
11. Fisun A.A. Ukrainskaya neopatrimonial'naya demokratiya: formirovanie, specifiika i tendencii razvitiya / A. Fisun // Ojkmuna. – 2011. – Vyp.8. – S. 119-127.

12. Weber M/ *Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology* / Ed. By G. Roth and C. Wittich. – Berkeley: Univ. of California Press, 1978.
13. Kamins'kij Є. Perekhidni derzhavi: osoblivosti, superechnosti j nebezpeki rozvitku // *Antologiya tvorchih dosyagnen'*. — K.: ISEMV NAN Ukraïni, 2004. - S.243-249.
14. Civilizacijnij vibir Ukraïni: paradigma osmislennya i strategiya dii: nacional'na dopovid' / red. kol.: S. I. Pirozhkov, O. M. Majboroda, YU. ZH. SHajgorodsk'ij ta in.; Institut politichnih i etnonacional'nih doslidzhen' im. I. F. Kurasa NAN Ukraïni. – K.: NAN Ukraïni, 2016. – 284 s.
15. Kuc G.M. Cennostnye osnovaniya ukrainskoj politicheskoy kul'tury // *Politikus*. – 2015. -. Vip.1. - S.138-142.
16. Kinan E. Rosijs'ki istorichni mifi / E. Kinan. – K.: Kritika, 2001. – 284 s.
17. Golovko I. Liberal'na demokratiya: umovi for-muvannya ta specifika stanovlennya : dis. ... kand. polit. nauk : spec. 23.00.02 Politichni instituti ta procesi / I. Golovko ; CHernivec'kij nac. un-t im. YU. Fed'ko-vicha. – Chernivci, 2010. – 248 s.
18. Podsiadlo L. Dezintegracyjna rola Rosji na przestrzeni poradzieckiej na przykłdzie Ukrainy // *Visnik L'vivs'kogo universitetu. Seriya Mizhnarodni vidnosini*. - 2015. - Vip.36. CH.3. - C.75–84.
19. Wasiuta O., Wasiuta S. Militarne i niemilitarne metody prowadzenia wojny hybrydowej Rosji przeciwko Ukrainie // *Visnik L'vivs'kogo universitetu. Seriya Mizhnarodni vidnosini*. - 2016. - Vip. 39. - C. 3–17.
20. Gorelov M. Civilizacijna paradigma krahu Pereyaslavs'kogo procesu // *Naukovi zapiski IPIEND im. I.F. Kurasa NAN Ukraïni*. - Vip. 1(75). -. S.32-38.
21. Mihal'chenko N. I. Velikij civilizacionnyj vzryv na rubezhe HKH–HKHI vekov / N. I. Mihal'chenko. – K.: Parlamentskoe izdatel'stvo, 2016. – 504 s.
22. Batins'kij S. Rosijs'ka kvazicivilizaciya: istorichnij viklik dlya Ukraïni i svitu. – Drogobich: Posvit, 2014. – 97 s.
23. Orlova T.V. Rosiya: vchora, s'ogodni, zavtra? Monografiya. – K.: Logos, 2016. – 232 s.
24. Zdioruk S., YAblyons'kij V. Proekt «Russkogo mira» yak mekhanizm impers'koï agresii Rosii proii Ukraïni // *Naukovi zapiski IPIEND im. I.F. Kurasa NAN Ukraïni*. - 2014. - Vip. 6(74) - S.258-268.
25. Bul'vins'kij A.G. Vpliv impers'koï derzhavnoï tradicii na perebig politichnogo procesu v Rosii // *Kraïni postradyans'kogo prostoru: vikliki modernizacii: zbirnik naukovih prac' / za zag. red. A.G. Bul'vins'kogo*. – K.: Derzhavna ustanova «Institut vsesvitn'oï istorii NAN Ukraïni», 2016. – C.6-18.
26. Levi B.-A. «Esli potonet Ukraina - potonet vsya Evropa. Nashi sud'by segodnya polnost'yu svyazany» // *Zerkalo nedeli*. – 21.05. 2014, №18. - S. 5
27. Babka V. Rosijs'ko-ukraïns'kij konflikt: civilizacijni ta memorial'ni aspekti // *Naukovi zapiski IPIEND im. I.F. Kurasa NAN Ukraïni*. - Vip. 1(75). -S.104-114.
28. Mearsheimer J. Case for Ukrainian Nuclear Deterrent / John J. Mearsheimer // *Foreign Affairs*. - 1993. - Vol. 72, № 3. – R. 50–66.
29. Civilizacijnij krah Pereyaslavs'kogo proektu (Ukraïna i Moskoviya: istoriya spivisnuvannya ta vorozhnechi) / M. Gorelov, O. Mocya, O. Rafal's'kij. – K., IPIEND im. I.F. Kurasa NAN Ukraïni, 2017. – 256 s.
30. Nagorna L.P. Istorichna pam'yat': teorii, diskursi, refleksii / L.P. Nagorna. – K.: IPIEND im. I.F. Kurasa NAN Ukraïni, 2012. – 328 s.

About the author: Shepelev Maximilian Albertovich - Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations of the Taurida Academy of the Crimean Federal University of V.I. Vernadsky (ma_shepelev@mail.ru).